

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия**
Архив журнала «Христианское чтение»

Школа и жизнь

**Чтение книг, как одно из образовательных средств в
духовных семинариях. Фундаментальная библиотека и
меры, делающие ее более доступною для учеников.
Ученическая библиотека. Как приохотить учеников к
чтению книг и как это чтение сделать плодотворным?
Литературные чтения и беседы. Постановка их в
гимназиях. Неблагоприятные условия для них в
духовных семинариях**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1898. № 2. С. 268-293.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

ШКОЛА и ЖИЗНЬ.

Чтеніе книгъ, какъ одно изъ образовательныхъ средствъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Семинарскія библіотеки. Фундаментальн. библіотека, и мѣры, дѣлающія ее болѣе доступною для учениковъ. — Ученическая библіотека. — Какъ пріохотить учениковъ къ чтенію книгъ и какъ это чтеніе сдѣлать плодотворнымъ? Литературныя чтенія и бесѣды. Постановка ихъ въ гимназіяхъ неблагопріятныя условія для нихъ въ духовныхъ семинаріяхъ.

Къ числу образовательныхъ средствъ, которыми располагають наши духовныя семинаріи для возвышенія уровня развитія своихъ воспитанниковъ, принадлежитъ чтеніе книгъ. Согласно съ уставомъ, воспитанники должны посвящать ему свободное отъ занятій время. Съ внѣшней стороны это дѣло въ нашихъ семинаріяхъ, повидимому, обставлено весьма удовлетворительно. Обыкновенно при каждой существуютъ двѣ библіотеки — такъ называемая фундаментальная и ученическая; урегулировано пользованіе ими: назначены дни, выборъ книгъ производится подѣ руководствомъ наставниковъ, а въ фундаментальной — и съ нарочитаго каждый разъ разрѣшенія ректора; результаты чтенія также, по уставу, имѣютъ свою гарантію въ руководствѣ преподавателей. Однако замѣтка одного о. ректора о семинарскихъ книгохранилищахъ, помѣщенная въ 17 № „Церковн. Вѣстн. за 1897 г., показываетъ, что дѣло пользованія семинарскими библіотеками вовсе не обставлено такъ хорошо и производительно для учащихъ, какъ этого можно было ожидать. О. ректоръ указываетъ не только на отсутствіе каталоговъ, которые бывають „обыкновенно въ одномъ экземплярѣ, небрежно написанномъ, для учителей и учениковъ, и находится у библіотекаря“, но и на то, что „библіотекарь, преподаватель хлопотливаго предмета (и моднаго) обличенія сектъ и раскола, если онъ еще любитъ библіотечное дѣло и доступенъ ученикамъ, когда то еще

найдетъ возможнымъ дать каталогъ на просмотръ ученику; потомъ нужно заручиться письменнымъ дозволеніемъ читать желаемую книгу отъ какого-либо (какого именно, еще нужно рѣшить) преподавателя, потомъ когда то еще выдадутъ, если только она на лицо въ библиот. помѣщеніи, книгу и т. д. Поэтому о. ректоръ рекомендуетъ: нанимать особое лицо для завѣдыванія библиотекой, хотя бы изъ наличныхъ преподавателей, но по его способности къ тому, а не безусловно расколовѣда; ученическую библиотеку слить съ фундаментальной, одѣлавъ выборъ книгъ неудобныхъ почему-либо для чтенія учениками; вмѣсто записокъ о позволеніи читать просить преподавателей чаще указывать ученикамъ полезныя книги и слѣдить за чтеніемъ, разъяснять ихъ содержаніе, слѣдить за выходомъ книгъ новыхъ и т. д. сдѣлать доступными каталоги семинар. библиотекъ и упорядочить систему ихъ; учебныя руководства выдѣлить изъ библиотекъ въ особый складъ, предоставивъ завѣдываніе имъ семинарской инспекціи. При этомъ, о. ректоръ замѣчаетъ еще, что трудный доступъ въ библиотеку семинарскую неволью заставляетъ учениковъ обращаться въ городскія библиотеки, и такимъ образомъ, читать, что имъ желательно, безъ всякаго руководства и контроля. — Указываемые о. ректоромъ недостатки имѣютъ такимъ образомъ отчасти случайный характеръ, — отчасти же вызываются самимъ существующимъ порядкомъ вещей. Соединеніе должности библиотекаря съ кафедрою обличенія раскола и необходимость всякій разъ требовать разрѣшенія отъ преподавателей на получение книгъ изъ фундаментальной библиотеки — есть уже не частное явленіе, а общій законъ, — и мы видимъ, какими затрудненіями онъ отражается на практикѣ. Устранимы ли эти затрудненія или же съ ними неизбежно приходится мириться?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ слѣдующая замѣтка одного изъ „невольныхъ библиотекарей“, написанная имъ по поводу вышеприведенныхъ соображеній о. ректора.

„Я завѣдываю библиотекой въ одной изъ семинарій вотъ уже 11 лѣтъ и за это время успѣлъ достаточно насмотрѣться на удобства или неудобства существующихъ въ семинарской библиотекѣ порядковъ.

Прежде всего мнѣ думается, что авторъ замѣтки о семинарскихъ книгохранилищахъ, о. ректоръ N, слишкомъ сгустил краски при изображеніи положенія дѣлъ въ семинар-

ской библиотекъ вообще. Правда, что прежде полученія книги ученику, согласно 134 § Уст. дух. сем. п. 6, необходимо заручиться письменнымъ дозволеніемъ преподавателя и о. ректора; правда, что получение этого дозволенія, особенно отъ о. ректора, стѣсняетъ учениковъ, потому что далеко не каждый воспитанникъ рѣшится беспокоить о. ректора своимъ посѣщеніемъ, — но всетаки эти препятствія не настолько сильны, чтобы могли удержать воспитанниковъ отъ попытки получить желаемую ими книгу. Обыкновенно воспитанники первыхъ двухъ классовъ интересуются книгами по русской словесности и гражданской исторіи — такимъ предметамъ, которые преподаются въ ихъ классахъ: наставниковъ этихъ предметовъ они видятъ не одинъ разъ въ недѣлю и легко могутъ передать имъ записку съ просьбою разрѣшить для чтенія ту или другую книгу. Воспитанники же слѣдующихъ классовъ едва ли затруднятся обратиться съ подобною же просьбою къ тому преподавателю, къ предмету котораго относится желаемая ими книга. Узнать же этого преподавателя совсѣмъ не трудно, потому что всѣ книги фундаментальной библиотеки распредѣлены въ каталогъ по отдѣламъ, и навѣрно каждый воспитанникъ 3 — 6 классовъ знаетъ, кто изъ преподавателей какой предметъ преподаетъ. А чтобы не беспокоить частымъ посѣщеніемъ о. ректора, можно бы завести особый ящикъ (на подобіе почтоваго), куда воспитанники и стали бы опускать свои записки о желательныхъ имъ книгахъ, а о. ректоръ бралъ бы ихъ оттуда и, по рассмотрѣніи передавалъ въ извѣстный классъ хотя бы чрезъ помощника инспектора или какое-либо другое лицо.

Изъ-за каталога также большихъ затрудненій не должно быть. Каталогъ, хотя бы даже въ 1 экземплярѣ (а онъ обычно въ большемъ количествѣ), ежедневно къ услугамъ учениковъ, потому что библиотека, согласно 134 § Уст. дух. сем. п. 3 и 4, должна быть открываема ежедневно на опредѣленное время, и въ это время, воспитанники могутъ поочередно (по классамъ) просмотрѣть названія книгъ изъ необходимаго имъ отдѣла и записать №№. Въ выдачѣ книгъ тоже не должно быть затрудненій, потому что каждый классъ получаетъ книги въ опредѣленные дни; если же какой-либо изъ желательныхъ книгъ не окажется на лицо, такъ это бываетъ во всякой библиотекѣ. При томъ книги выдаются изъ фундамен-

тальной библиотеки на известный срокъ, слѣдовательно, по истеченіи этого срока и можно выдать ту книгу“.

Такимъ образомъ нѣкоторыя изъ выставленныхъ о. ректоромъ затрудненій оказывается возможнымъ устранить. Что же касается другихъ затрудненій, а также рекомендуемыхъ о. ректоромъ улучшеній въ дѣлѣ пользованія библиотечками,—то г. „невольный библиотечаръ“ высказываетъ слѣдующія сужденія, отчасти несогласныя, отчасти согласныя съ о. ректоромъ.

1) Неудобства совмѣщенія должности библиотечара съ съ должностью преподавателя исторіи и обличенія раскола и сектантства очевидны для многихъ; а для большинства невольныхъ библиотечарей завѣдываніе семинарской библиотечкой кажется бременемъ настолько тяжкимъ, что они всѣми силами стараются освободиться отъ него и на 3-мъ Всероссийскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ постановили ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ освобожденіи отъ этого дѣла. Удивительнаго въ этомъ мало, потому что далеко не всякій преподаватель исторіи и обличенія раскола любитъ хлопотливое отвѣтственное библиотечное дѣло, но почти всякій смотритъ на него, какъ на лишнюю обузу, при чемъ совсѣмъ забываетъ, что онъ за 7 уроковъ получаетъ такое же вознагражденіе, какое другіе (за исключеніемъ преподавателя гражданской исторіи) за 11—12 уроковъ въ недѣлю.

2) Сливать ученическую библиотечку съ фундаментальной нѣтъ никакихъ резоновъ, такъ какъ содержатся онѣ на различныя средства и заключаютъ въ себѣ книги не одного характера и содержанія: въ фундаментальной библиотекѣ находятся книги главнымъ образомъ ученаго содержанія, „вспомогательныя для учителей“, болѣе цѣнныя и отчасти „избранныя для чтенія воспитанникамъ“, а въ ученической—преимущественно произведенія классическихъ авторовъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ (въ русскомъ переводѣ), и ученые сочиненія, доступныя пониманію большинства учениковъ и безукоризненныя по содержанію и изложенію. вмѣсто того, чтобы сливать эти библиотечки и затѣмъ дѣлать выборъ книгъ неудобныхъ для чтенія учениками, какъ проектируетъ о. ректоръ, по моему мнѣнію, лучше бы каждому преподавателю составить по своимъ предметамъ списокъ книгъ, наиболѣе необходимыхъ для прочтенія каждымъ классомъ и выдать въ тотъ классъ, при чемъ книги, указанныя для младшихъ

классовъ, должны быть дозволены для старшихъ. Контроль за чтеніемъ книгъ воспитанниками безусловно необходимъ, но всегда ли и вездѣ онъ возможенъ? Гдѣ взять время?

3) Напечатать каталоги или, по крайней мѣрѣ, отлитографировать ихъ, было бы хорошо, но во всѣхъ ли семинаріяхъ найдутся средства для этого?

Выдѣленіе книгъ XVIII в. въ отдѣлъ со старопечатными книгами хотя и начинается, но едва ли удобно, потому что затруднительно будетъ отыскивать нужную книгу даже и преподавателямъ. Лучше выдѣлить въ особый отдѣлъ только рукописи и старопечатныя книги до XVIII в., а изъ напечатанныхъ въ этомъ вѣкѣ — тѣ, которыя напечатаны въ юго-западныхъ типографіяхъ и нужны на противораскольническихъ бесѣдахъ. Система каталога, принятая въ казанской и московской духовной академіи, а также въ орловской дух. семинаріи, слишкомъ дробна и на практикѣ не совсѣмъ удобна. Мнѣ кажется болѣе удобною слѣдующая система каталога семинарской библіотеки:

№№ книгъ по порядку.	Фамилія автора, названіе книги, форматъ, мѣсто и годъ изданія, томы или части сочиненія, № шкафа, полка и мѣсто на полкѣ.	Количество экземпляровъ.
----------------------	---	--------------------------

1) Священное Писаніе:

А. Изданія Библии.

Б. Объясненіе Св. Писанія, симфоніи и конкордаціи, исторія и критика текста и пр.

2) Патрологія.

3) Основное Богословіе.

4) Догматическое Богословіе:

А. Православное.

Б. Католическое и протестанское.

5) Обличительное или сравнительное богословіе.

6) Нравственное богословіе:

А. Православное.

Б. Католическое и протестантское.

В. Назидательное чтеніе.

7) Литургика:

А. Богослужебныя книги.

- Б. Исслѣдованія о богослуженіи
- 8) Гомилетика:
 А. Проповѣди
 Б. Теорія проповѣдничества и прак-
 тическія пособія для проповѣд-
 никовъ
- 9) Пастырское богословіе
- 10) Законовѣдѣніе:
 А. Церковное право
 Б. Гражданское право
- 11) Богословскія энциклопедіи
- 12) Философскія науки:
 А. Логика
 Б. Психологія
 В. Философія
 Г. Педагогика
- 13) Русскій языкъ и его словесность.
 А. Русскій и церковно-славянскій
 языкъ
 Б. Русская словесность и библио-
 графія
 В. Историко-литературная смѣсь
- 14) Библейская исторія археологія,
 хронологія и географія
- 15) Церковная исторія:
 А. Общая
 Б. Русская
- 16) Исторія и обличеніе русскаго ра-
 скола и сектантства
- 17) Гражданская исторія:
 А. Общая
 Б. Русская
- 18) Землевѣдѣніе (географія, стати-
 стика и пр.)
- 19) Греческій языкъ и его словесность.
- 20) Латинскій языкъ и его словесность.
- 21) Нѣмецкій языкъ и его словесность.
- 22) Французскій языкъ и его словес-
 ность
- 23) Еврейскій языкъ
- 24) Математика

- 25) Естественныя науки (физика, химія, зоологія, ботаника и др.) . . .
- 26) Медицина
- 27) Политическая экономія, технологія, промышленность и сельское хозяйство
- 28) Пѣніе
- 29) Энциклопедіи и сборники
- 30) Журналы и газеты:
 - А. Духовные журналы
 - Б. Свѣтскіе журналы и газеты
- 31) Справочныя руководства
- 32) Атласы, планы, карты и чертежи.
- 33) Старопечатныя книги и рукописи.

4) Что касается учебныхъ руководствъ и пособій, то ихъ лучше бы всего передать въ вѣдѣніе инспекціи, которая знаетъ, кто изъ воспитанниковъ на какомъ содержаніи, знаетъ ихъ средства и потому лучше можетъ распредѣлить между ними учебники. Выдавать учебники слѣдовало бы всѣмъ вообще воспитанникамъ, а не казеннокоштнымъ только, но съ условіемъ уплаты своекоштными воспитанниками какой-либо суммы денегъ, на которую пополнять складъ учебниковъ⁴.

Соображенія нашего корреспондента имѣютъ несомнѣнную практическую цѣнность. Но его замѣтка касается только фундаментальной библіотеки и упорядочиваетъ собственно внѣшнюю сторону дѣла. Между тѣмъ, кромѣ фундаментальной, въ семинаріяхъ есть еще и ученическая библіотека, и за внѣшней стороной пользованія библіотекою стоитъ внутренняя — болѣе важная. Авторъ не затрогиваетъ послѣдней, хотя и вспоминаетъ о ней въ заключеніе своей замѣтки. Онъ заявляетъ, „что нужно бы какъ-нибудь приохотить воспитанниковъ къ чтенію книгъ, особенно серьезнаго содержанія. А то иной богословъ не читаетъ ничего кромѣ учебниковъ, такъ что въ записной книгѣ попадають цѣлыя десятки страницъ съ фамиліями, подъ которыми не значится ни одной книги. Спросишь инога: что же вы ничего не читаете? — и почти всегда въ отвѣтъ: некогда, дѣла много, или молчаніе. Бываетъ и такъ, что иной пятоклассникъ или шестоклассникъ надоумится почитать книжку и спросить Робинзона Крузо или что-нибудь въ этомъ родѣ! Грустно и больно станеть

и невольно спросишь: неужели вы до сихъ поръ не читали этихъ книгъ и ничего лучше не нашли? За то и настроеніе воспитанниковъ понизилось; прежняго идеализма и въ поминѣ нѣтъ...“—Заявленіе справедливое. Но какъ пріохотить учениковъ къ чтенію и какъ достигнуть отъ него полезныхъ результатовъ? Нѣкоторымъ рѣшеніемъ этого вопроса могутъ служить соображенія другого, тоже, можетъ быть, „невольнаго библиотекаря“, но завѣдующаго не фундаментальной, а ученической бібліотекой.

„Великой силѣ книги, пишетъ онъ, у насъ въ духовныхъ семинаріяхъ, впрочемъ, также, какъ и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, предоставлено дѣйствовать стихійно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе назвать то положеніе дѣла, когда въ распоряженіе воспитанниковъ предлагается бібліотека и въ то же время не дается никакой системы для чтенія, никакого дѣйствительнаго руководства при выборѣ книгъ и никакой помощи при ихъ пониманіи?

Но, прежде всего нельзя не сдѣлать замѣчанія о самой бібліотекѣ, которая предоставляется вниманію воспитанниковъ. Не роясь въ ея шкафахъ и не заглядывая въ ея каталоги, но зная условія, при которыхъ собирается книжное богатство ученическихъ бібліотекъ, можно съ увѣренностью сказать, что эти бібліотеки далеки отъ своего идеала. Ихъ книжное богатство накапливается эпизодически по мѣрѣ поступленія случайныхъ ассигновокъ и пожертвованій, которыми нерѣдко бываютъ гроши воспитанниковъ; выписка книгъ при такихъ счастливыхъ условіяхъ предоставляется случайнымъ симпатіямъ случайныхъ лицъ временнаго состава правленія семинаріи. Лица эти, конечно,—люди съ академическимъ дипломомъ, но въ данномъ дѣлѣ одного высшаго образованія, очевидно, недостаточно. Требуется еще, прежде всего, правильный взглядъ на задачи воспитаническаго чтенія, а, затѣмъ, близкое знакомство, какъ съ состояніемъ ученической бібліотеки, такъ и съ тѣми отдѣлами литературы, изъ которыхъ дѣлается выписка книгъ. Трудно думать, что лица, засѣдающія въ правленіи семинаріи, всегда удовлетворяютъ всѣмъ тремъ указаннымъ требованіямъ. Отсюда вполне естественно ожидать, что какъ бы ни была богата ученическая бібліотека, а всетаки мы въ ней можемъ не найти многого изъ того, что въ ней непременно должно бы было быть и, равнымъ образомъ, мы можемъ найти

въ ней вмѣсто книжныхъ сокровищъ не мало книжнаго хлама.

Какъ же относятся воспитанники къ предлагаемому имъ чтенію? Надо замѣтить, что читать книги ихъ не принуждаютъ. Да и сдѣлать это при настоящей системѣ обученія, когда придается такое значеніе отвѣтамъ изъ учебника, очень трудно. У воспитанника всегда есть въ запасѣ неотразимая отговорка: не успѣваю готовить уроковъ! Эта необязательность чтенія даетъ возможность нежелающимъ читать книги не брать ихъ изъ библіотеки во все продолженіе семинарскаго курса. Фактъ удивительный, но не подлежащій сомнѣнію: такіе воспитанники находятся. Пространно комментировать этотъ фактъ, конечно, не приходится. Узость уметвеннаго кругозора, грубость понятій и сужденій, дубоватая рѣчь—вотъ черты: обыкновенно отличающія такихъ воспитанниковъ; черты, съ которыми, позволимъ себѣ напомнить, они выйдутъ за предѣлы школы на высокую общественную дѣятельность.

• Можно бы, конечно, утѣшиться тѣмъ обстоятельствомъ, что такихъ воспитанниковъ очень немного; однако, дѣйствительность не представляетъ такого рода утѣшеній. Большинство воспитанниковъ беретъ, правда, книги изъ библіотеки, и многія изъ этого большинства берутъ ихъ очень нерѣдко, но бѣда въ томъ, что книга для нихъ является только предметомъ удовольствія и больше ничѣмъ. Книги изъ области беллетристики — единственное чтеніе, которое привлекаетъ большинство. Справившись у товарища: интересна ли такая то книжка или просто взявъ первую попавшуюся съ болѣе заманчивымъ заглавіемъ книжку, воспитанникъ этого типа быстро прочитываетъ ее, если она дразнитъ его воображеніе ни на мигъ не задумываясь надъ ея содержаніемъ, не считая этого нужнымъ, да и не умѣя безъ посторонней помощи этого сдѣлать. Что можетъ дать такого рода чтеніе?

Есть еще и третій типъ воспитанниковъ. Книга заполняетъ всѣ ихъ интересы. Ради нея забываютъ они уроки; ей посвящаютъ все свободное время; читаютъ украдкой даже по ночамъ; читаютъ все, что попадаетъ имъ подъ руку. Предоставленные самимъ себѣ въ дѣлѣ чтенія, они безсистемно мечутся, переходя отъ одного отдѣла литературы къ другому и тратя нерѣдко время на чтеніе книгъ пустыхъ, а иногда и мало-попятныхъ для нихъ. Но и это излишнее

увлеченіе книгой и эта напрасная трата времени являются для нихъ еще не столь большимъ зломъ, сравнительно съ тѣмъ, которое обыкновенно ихъ постигаетъ. Если двѣ первыхъ группы воспитанниковъ остаются почти всецѣло внѣ дѣйствія силы книги, то за то здѣсь на третьемъ типѣ она проявляетъ себя вполне, однако, далеко не такъ, какъ бы хотѣлось. Воспитанникъ третьяго типа подъ вліяніемъ чтенія быстро превращается въ фанатическаго поклонника человѣческой мысли и художественной красоты. Не развившись до возможности критическаго отношенія къ этой мысли и красотѣ, но одаренный умомъ и чувствомъ настолько, чтобъ ихъ цѣнить и восторгаться предъ ними, онъ творитъ себѣ кумировъ изъ литературныхъ знаменитостей. Каждое слово этихъ „учителей міра“ онъ принимаетъ съ благоговѣніемъ, какъ слово пророковъ и апостоловъ вѣчной истины. Со времени этого слѣпого и восторженнаго поклоненія литературѣ такой воспитанникъ, въ большинствѣ случаевъ, человѣкъ уже потерянный для дѣла церкви. Онъ уже не будущій служитель ея, а вѣроломный ея врагъ или человѣкъ вполне къ ней равнодушный.

Но что же дѣлать? Отказаться отъ свѣтской литературы?

Это значить обречь будущихъ пастырей на полное невѣжество,—сдѣлать ихъ неспособными къ борьбѣ со зломъ въ его культурныхъ проявленіяхъ. Да и къ чему такія страшныя жертвы, когда на примѣрѣ великихъ отцевъ церкви мы видимъ убѣдительное доказательство той истины, что христіанину вполне возможно пользоваться свѣтской литературой и что это пользованіе дѣлаетъ пастырей въ ихъ служеніи и великими? Неутѣшительные результаты чтенія книгъ краснорѣчиво говорятъ только о томъ, что нужна реформа въ этомъ великомъ и важномъ дѣлѣ.

Настоящая постановка чтенія книгъ въ духовныхъ семинаріяхъ сама собою намѣчаетъ три задачи, на которыхъ должно сосредоточиться вниманіе будущей реформы. Прежде всего, конечно, требуется ученическую бібліотеку поставить на высоту ея назначенія; затѣмъ, литературное чтеніе, превративъ изъ праздної забавы въ серьезное дѣло, сдѣлать обязанностью каждаго воспитанника, иначе, наконецъ необходимо предупредить или парализовать возможность вреднаго вліянія книги на читающихъ. Понимая, что каждая изъ этихъ задачъ является дѣломъ сложнымъ и связаннымъ со многими

условіями и сторонами семинарской жизни, а потому требующимъ подробнаго и всесторонняго обсужденія, мы не претендуя на окончательное разрѣшеніе вопроса, позволимъ себѣ высказать нѣсколько соображеній общаго характера по поводу каждой изъ этихъ задачъ.

Ученическая библіотека, очевидно, только тогда будетъ на высотѣ своего назначенія, когда будетъ въ себѣ заключать все то, что цѣнно для будущихъ пастырей. Семинарія должна имѣть въ виду, какъ трудно бѣдному сельскому пастырю, живя въ деревенской глуши, пополнить пробѣлы своего литературнаго образованія, а потому все, что можетъ быть сдѣлано въ этомъ отношеніи, должно быть сдѣлано. Выборъ книгъ для ученической библіотеки, какъ дѣло въ высшей степени серьезное и важное, при томъ требующее особыхъ знаній, должно быть предоставлено цѣлой комиссіи лицъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ. Выработанный этой комиссіей каталогъ долженъ ежегодно пополняться вновь вышедшими книгами по такого же рода компетентнымъ указаніямъ. Что касается вопроса: какихъ же именно родовъ литературы книги должны заключаться въ каталогѣ ученической библіотеки, то при его рѣшеніи, намъ кажется, можно опасаться впасть въ слѣдующія два увлеченія. Во первыхъ, имѣя въ виду спеціальныя цѣли семинарскаго образованія, можно его излишне или даже въ ущербъ свѣтской литературѣ наполнить книгами духовнаго содержанія. Противъ увлеченія спеціальными цѣлями семинарскаго образованія надо имѣть въ виду, что литературное образованіе семинариста прежде всего должно поставить его по возможности на одинаковый уровень съ обыкновеннымъ интеллигентомъ изъ современнаго культурнаго общества, въ противномъ случаѣ мы будемъ имѣть въ семинаристахъ скорѣе раскольничьихъ начетчиковъ, чѣмъ людей способныхъ къ пастырской миссіи въ ея современныхъ условіяхъ. Имѣя это въ виду и приступая къ выбору книги свѣтской литературы, можно впасть въ новое увлеченіе, именно предпочесть солидную ученую литературу книгамъ „легкаго чтенія“. Это увлеченіе возможно лишь при отсутствіи яснаго взгляда на назначеніе семинаристовъ. Профессія ученаго можетъ совмѣщаться съ пастырскою дѣятельностью только при особыхъ исключительныхъ условіяхъ. Священникъ прежде всего долженъ быть человѣкъ жизни, а потому и читать онъ долженъ

прежде всего все то, что къ ней его приготовляетъ. Кромѣ того, принимая во вниманіе всю массу книгъ духовной и свѣтской литературы, которую долженъ перечитать воспитанникъ, чтобы не быть невѣждой ни въ одной изъ этихъ областей, нельзя не видѣть, что чтеніе ученыхъ сочиненій, нерѣдко многотомныхъ и трудныхъ для пониманія, можетъ принести только существенный ущербъ дѣлу общаго литературнаго образованія воспитанника, не давъ ему какой-либо существенной пользы. При выборѣ книгъ ученической бібліотеки надо принять за правило, чтобы ни одна книга записанная въ каталогъ, не отнимала бы у воспитанника времени на чтеніе для него непроизводительное. Съ этою же цѣлю необходимо ученическую бібліотеку разбить на шесть отдѣловъ, соотвѣтственно шести классамъ семинаріи. При такомъ распредѣленіи книгъ, соотвѣтственно возрасту и развитію cadaго класса, будетъ устранено обыкновенное въ настоящее время явленіе чтенія книжекъ, не подходящихъ къ возрасту и развитію.

Что касается до разрѣшенія второй намѣченной нами задачи: сдѣлать литературное образованіе достояніемъ cadaго воспитанника семинаріи, то она разрѣшается очень легко чрезъ введеніе для cadaго класса семинаріи опредѣленнаго *minimum'a* книгъ, который непременно долженъ быть прочитанъ воспитанниками даннаго класса. Установить контроль надъ этимъ дѣломъ очень не трудно, но не такъ легко научить воспитанниковъ относиться къ читаемому ими съ должною серьезностію. Включеніе въ обязательный *minimum* книгъ статей критическаго характера, конечно, заставитъ прогрессировать ихъ въ этомъ отношеніи, однако, какъ единственное средство, очевидно, недостаточно. Эта часть второй задачи можетъ быть удовлетворительно разрѣшена только при разрѣшеніи третьей задачи: парализовать вредное вліяніе чтенія.

Послѣдняя задача, конечно, не изъ легкихъ; она имѣетъ ближайшее отношеніе къ литературѣ свѣтской. Эта литература можетъ навести неопытнаго читателя на нежелательныя мысли, взгляды чувства и влеченія. Однако и въ ней, безспорно, есть много такого, что будитъ совѣсть, вселяетъ добрыя чувства въ сердце, даетъ высокій полетъ мысли. Это особенно справедливо по отношенію къ области поэзіи, которая всегда была могучимъ средствомъ къ подъему иде-

альнаго настроенія. Развѣ нельзя заставить воспитанниковъ обратить вниманіе на такого рода возвышающія мѣста. Равнымъ образомъ, тамъ, гдѣ идеализированы дурныя стороны жизни, опозтезирована пороки, развѣ нельзя снять изящные покровы поэзіи со зла и показать его во всей его дѣйствительной неприглядности? Самымъ естественнымъ средствомъ для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей представляется устройство въ средѣ воспитанниковъ литературныхъ обществъ подъ руководствомъ лицъ семинарской корпораціи, способныхъ къ этому дѣлу. Мы знаемъ изъ опыта, съ какою охотою воспитанники вступаютъ въ члены такого рода обществъ. Чтеніе статей, писаніе рефератовъ, разсужденія на темы, ведущія къ достиженію цѣлей общества—вотъ кругъ дѣятельности, въ которомъ должны будутъ вращаться его члены. Труды со стороны лицъ завѣдывающихъ этимъ дѣломъ потребуются, конечно, не мало, но и добрые результаты при болѣе или менѣе умѣломъ веденіи дѣла сторицею вознаградятъ добрыхъ дѣлателей. Тѣ лучшія силы воспитанниковъ, которыя теперь такъ бесплодно гибнутъ для дѣла церкви, несомнѣнно, будутъ первыми трофеями такого рода трудовъ. Стоитъ этимъ людямъ, способнымъ глубоко мыслить и горячо чувствовать, показать истину христіанства не въ схоластическихъ мертвыхъ формулахъ богословскихъ учебниковъ, а въ ея приложеніи къ вопросамъ жизни,—стоитъ имъ показать высокіе идеалы христіанства въ ихъ жизненномъ практическомъ значеніи, въ сопоставленіи съ убогими, сравнительно, идеалами человѣческой мысли, чтобы навсегда сдѣлать ихъ горячими и разумными борцами за истину христіанства“.

Проектируемая авторомъ общества, конечно, могутъ быть весьма полезными въ цѣляхъ образовательныхъ. Но здѣсь возникаютъ опять вопросы. Какую организацію должны носить такія общества? Какъ устроить, чтобы литературныя занятія въ этихъ обществахъ, съ одной стороны, дѣйствовали развивающимъ образомъ на воспитанниковъ, а съ другой, не шли бы въ ущербъ ихъ прямымъ обязанностямъ?

Печально будетъ, если сама постановка дѣла въ литературномъ обществѣ явится тормазомъ въ достиженіи его цѣлей, но будетъ еще болѣе печально, если литературныя занятія отнимутъ у воспитанниковъ и время и, пожалуй, охоту къ занятіямъ въ классѣ. Наконецъ, возможно ли, при теперешнемъ положеніи вещей, устройство такихъ литературныхъ занятій въ семинаріи?

Въ семинарскомъ уставѣ не предусмотрѣны подобныя занятія, но уставъ гимназій Министерства Нар. Просв. 1871 г. даетъ имъ мѣсто. Въ § 9-мъ объяснит. записки къ правиламъ гимназій говорится: „преподаватели русскаго языка и словесности особенно могутъ руководствовать своихъ учениковъ въ выборѣ чтенія въ свободное отъ занятій время; для повѣрки же того, что ими прочитано и какъ прочитанное понято, и для надлежащихъ со стороны преподавателей объясненій могутъ быть устраиваемы для старшихъ классовъ литературныя бесѣды въ праздничные и воскресные дни“. Согласно съ этимъ § въ гимназяхъ и теперь существуютъ литературныя чтенія и бесѣды. Опытъ гимназій можетъ быть поучителенъ и для нашихъ духовныхъ семинарій. Въ этомъ отношеніи интересна помѣщенная въ журн. „Образованіе“ (1897 г. № 2) статья г. А. Грузинскаго „Литературныя чтенія и бесѣды въ нашей средней школѣ“, и мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ нея.

Исторію гимназическихъ литературныхъ чтеній авторъ возводитъ еще къ первой половинѣ XVIII в. Но „серьезно и широко они были поставлены впервые въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія было устроено литературное общество подъ именемъ „Собранія Воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона“. Общество это занималось въ своихъ засѣданіяхъ чтеніемъ сочиненій своихъ членовъ, критическимъ ихъ разборомъ, произнесеніемъ лучшихъ поэтическихъ произведеній, переводами съ иностранныхъ языковъ и т. п. Благородный Пансіонъ имѣлъ большое значеніе въ исторіи нашей литературы: за 50 лѣтъ своего существованія онъ выпустилъ около ста болѣе или менѣе извѣстныхъ писателей и ученыхъ; въ числѣ ихъ были такія имена, какъ Жуковскій и Лермонтовъ.

Устроенное въ немъ литературное общество должно было не только содѣйствовать развитію вкуса къ литературѣ и умѣнья владѣть русскимъ языкомъ: въ его организаціи заключались и общественно-воспитательные элементы. Общество составлялось изъ лучшихъ по успѣхамъ, поведенію и способностямъ въ русской литературѣ воспитанниковъ; дѣйствовало на основаніи особаго устава подъ названіемъ: „Законы собранія воспитанниковъ“; распорядителями всего дѣла по этому уставу являлись дѣйствительные члены-воспитанники, которые сами

избирали себѣ предсѣдателя. Преподаватели и директоръ были почетными членами, участвующими во всѣхъ дѣлахъ общества, но безъ права вмѣшиваться въ его внутренніе порядки.

„Собраніе воспитанниковъ“ было прототипомъ подобныхъ же школьныхъ обществъ въ послѣдующее время. Эти общества сначала стояли въ связи съ молодой русской литературой, даже участвовали въ ея движеніи, но начиная съ 20-хъ годовъ истекающаго столѣтія, они все болѣе и болѣе замыкаются въ рамки собственно школьной жизни, дѣлаясь лишь учебнымъ пособіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе и болѣе приходятъ въ упадокъ. Въ настоящее время прежнія литературныя общества существуютъ въ гимназіяхъ въ формѣ литературныхъ чтеній и бесѣдъ, но „ни для кого не тайна, что эти бесѣды составляютъ далеко не частое явленіе въ нашихъ гимназіяхъ, влчатъ по большей части жалкое существованіе и нерѣдко дискредитированы въ глазахъ не только общества, но даже педагоговъ: не далѣе какъ въ прошломъ году, проф. харьковскаго университета г. Сумцовъ высказалъ печатно, что разборъ на этихъ бесѣдахъ литературныхъ произведеній самими учащимися подъ руководствомъ преподавателя „требуется значительной затраты времени и подъ часъ разрѣшается въ пустое словопрение“. Чѣмъ же объяснить такой упадокъ?

Главными особенностями прежнихъ литературныхъ чтеній, бывшихъ около ста лѣтъ тому назадъ, были: прежде всего, присутствіе личной инициативы учащихся, ихъ свободная дѣятельность, проявлявшаяся не только въ развитыхъ литературныхъ интересахъ, но и въ организаціи ихъ удовлетворенія. Такая постановка обеспечивала живую преданность дѣлу и кромѣ того заключала въ себѣ очень цѣнные воспитательно-общественные элементы. Затѣмъ въ нихъ интересы воспитанниковъ не ограничивались предѣлами „словесности“, а направлялись на различные вопросы полуотвлеченнаго, полубообщественнаго характера и литературныя занятія учащихся были отраженіемъ всѣхъ ихъ умственныхъ интересовъ.—Другую форму приняли чтенія въ настоящее время. Во-первыхъ, довольно давно они уже стали въ полномъ смыслѣ слова литературными, т. е. касаются лишь произведеній художественной литературы; а затѣмъ—совсѣмъ другая и организаціи ихъ.

По своей организаціи теперешнія чтенія бываютъ двухъ типовъ. Во первыхъ, это — литературно-критическій разборъ крупныхъ художественныхъ произведеній, происходящій обыкновенно такъ. Преподаватель русской словесности предлагаетъ одну или нѣсколько темъ изъ области литературы; вызываются желающіе приготовить сочиненіе на одну изъ данныхъ темъ, кто-нибудь берется возражать писавшему, для чего знакомится, какъ съ источниками, такъ и съ сочиненіемъ товарища. Когда все готово, написано и просмотрѣно преподавателемъ, начинается бесѣда т. е. въ сущности чтеніе написанной работы и возраженія на нее, а затѣмъ диспутъ между авторомъ и его оппонентомъ, причемъ могутъ высказывать свои замѣчанія всѣ участвующіе въ бесѣдѣ. Преніями руководить и въ заключеніе подводитъ итоги преподаватель. Весь этотъ распорядокъ таковъ, говоритъ г. Грузинскій, что при немъ, пожалуй, можно вести бесѣды и довольно живо, интересно, но особенно удобно сдѣлать ихъ сухими, формальными; нѣкоторыя невыгоды такъ тѣсно связаны съ этой организаціей, что наиболѣе живые случаи обыкновенно уклоняются отъ нея довольно существенно, и во всей неприкосновенности своей, какъ она изложена выше, она прилагается лишь тамъ, гдѣ не умѣютъ или не хотятъ сдѣлать изъ бесѣдъ живое дѣло. Сочиненіе, тщательно приготовленное на данную тему, естественно будетъ носить характеръ принужденности; авторъ-ученикъ не скажетъ въ немъ многого, что хотѣлъ и могъ сказать, другое скажетъ не такъ, какъ слѣдовало бы; его личность не найдетъ себѣ полного выраженія и удовлетворенія въ работѣ; отсюда пониженіе интереса. Затѣмъ, довольно значительный промежутокъ времени между работой мысли и обсужденіемъ ея результатовъ (пока-то просмотритъ сочиненіе учитель, пока-то просмотритъ и приготовится оппонентъ), въ большинствѣ случаевъ тоже долженъ ослаблять интересъ въ авторѣ, а, слѣдовательно, лишать живости бесѣду. Наконецъ, этотъ способъ создаетъ большое неравенство между референтомъ и его возражателемъ съ одной стороны и участниками—съ другой; въ то время какъ первые борются на равныхъ правахъ одинаковымъ оружіемъ, остальные участники, конечно, не имѣютъ возможности подготовиться также тщательно и поневолѣ обречены на пассивную роль слушателей, въ лучшемъ случаѣ выступая съ отдѣльными замѣчаніями.

Вся эта система хороша для ученыхъ обществъ, для людей, съ болѣе развитымъ и устойчивымъ умственнымъ міромъ, чѣмъ гимназическая молодежь; для послѣдней она заключаетъ много прибавочной трудной и формальной работы и нерѣдко дѣлаетъ въ глазахъ учащихя литературную бесѣду—просто лишнимъ урокомъ письменныхъ работъ по русской словесности... Что же нужно вмѣсто этого?

Если мы хотимъ, чтобы всѣ участвовали въ бесѣдѣ болѣе или менѣе на правахъ равныхъ, чтобы бесѣды дѣйствительно представляли обмѣнъ мнѣній и мыслей, направляемыхъ свободнымъ интересомъ и выливающимся непринужденно въ той или иной формѣ, то слѣдуетъ отказаться отъ всѣхъ главныхъ чертъ общепринятаго порядка: отъ темъ, отъ письменныхъ изложеній, отъ „официальныхъ“ оппонентовъ. Московскій педагогъ г. Балталонъ въ своемъ „Пособіи для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ“ справедливо указываетъ на преимущества устнаго изложенія предъ письменнымъ и вопросовъ къ одному опредѣленному художественному произведенію предъ темой, заключающей въ себѣ обыкновенно извѣстную общую мысль, которая даже если основана на совершенно опредѣленномъ матеріалѣ (что бываетъ не всегда), не хороша уже тѣмъ, что навязана юношѣ, а не родилась изъ непосредственнаго знакомства съ литературнымъ памятникомъ. Выбирается произведеніе, преподаватель ставитъ къ нему рядъ вопросовъ, не предрѣшающихъ ничего, не навязанныхъ, и обращающихъ мысль къ тѣмъ или другимъ сторонамъ произведенія, всѣ читаютъ само произведеніе и готовятся къ устнымъ мотивированнымъ отвѣтамъ на вопросы, и затѣмъ идетъ живой обмѣнъ того, что надумалъ каждый; вотъ внѣшнія условія плодотворности такихъ литературно-критическихъ бесѣдъ. Понятно, что принятіе этихъ условій еще не обезпечиваетъ успѣха, а развѣ только что не мѣшаетъ ему; при неумѣннн или нежеланіи вести бесѣды, ихъ отлично можно испортить при какой угодно системѣ. Такова одна форма литературныхъ бесѣдъ и чтеній.

Другая форма ихъ, повидимому, болѣе распространенная, состоитъ въ устройствѣ въ стѣнахъ учебнаго заведенія по праздникамъ литературно-музыкальныхъ утръ или вечеровъ. Харьковское историко-филологическое общество издало „Пособіе для устройства общедоступныхъ научно-литературныхъ

и художественныхъ чтеній“, въ которомъ насчитано до десяти программъ такихъ вечеровъ, устраиваемыхъ въ разныхъ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ. Программы довольно однородны по своему характеру: вездѣ около половины даже больше нумеровъ занято пѣніемъ и музыкой, остальные—декламированіемъ стихотвореній. Такимъ образомъ видно, что эта форма литературныхъ занятій во-1-хъ съ такимъ же правомъ можетъ быть названа музыкальными занятіями, а во 2-хъ не имѣетъ никакого отношенія къ литературнымъ чтеніямъ или бесѣдамъ, какъ образовательному средству школы, хотя, конечно, это не мѣшаетъ имѣть ей свое немаловажное значеніе въ жизни школы въ другомъ отношеніи.

Итакъ, заключаетъ г. Грузинскій, „ни одинъ изъ видовъ чтеній и бесѣдъ, практикующихся въ нашей средней школѣ, но можетъ по своимъ свойствамъ стать истинно-образовательнымъ средствомъ, привлечь къ себѣ прочныя симпатіи учащейся молодежи и провести сколько-нибудь замѣтный слѣдъ въ ея развитіи. Всѣ они или служатъ цѣлямъ развлечения, пожалуй, художественнаго развитія, но лишены элемента умственной работы, вытекающей изъ интереса, расширяющей кругозоръ человѣка, освѣжительной и пріятной, работы, которая складываетъ характеръ и убѣжденія, формируетъ личность.

Литературно-критическіе разборы художественныхъ произведеній, производимые самими учащимися по руководящимъ вопросамъ преподавателя, представляются еще самымъ плодотворнымъ изъ всѣхъ подобныхъ занятій, но нельзя задерживать насильственно интересы всѣхъ учащихся исключительно на литературѣ. Могутъ сказать, что крупное художественное произведеніе даетъ поводъ коснуться многихъ областей жизни, что въ немъ есть всегда матеріалъ по вопросамъ и нравственнымъ, и общественнымъ, и отвлеченнымъ, и чисто научнымъ. Это вѣрно, но говорить о важныхъ вещахъ по поводу чего-либо другого—очень дурной способъ для развитія и установки мышленія; тутъ опредѣленные очертанія вопроса трудно соблюсти не только ученику, но подчасъ и руководителю, и обязательно нарушатся интересы либо произведенія, либо того вопроса, который затронуть по поводу его. Не только литература, но и исторія, географія, естествознаніе, какой-нибудь философскій вопросъ, фактъ обыденной дѣйствительности, явленіе общественной жизни—

все можетъ и должно находить себѣ мѣсто и обсужденіе на этихъ бесѣдахъ, разъ все это возбуждаетъ серьезный интересъ; но все это должно не случайно затрогиваться, а составлять предметъ особой бесѣды. „Что вы, помилуйте, скажутъ многіе съ ужасомъ, развѣ можно предоставить это самимъ учащимся? Они могутъ взяться за непосильные или неподходящіе вопросы, и потомъ все это будетъ отрывочно, разбросанно: гораздо лучше, если учащіеся приобрѣтаютъ всѣ свои свѣдѣнія и взгляды въ систематическомъ порядкѣ своего учебнаго курса, въ строго обдуманной, приспособленной формѣ.“ Но не берутъ въ соображеніе всѣ такіе господа, что если при воспитаніи не раздувать искусственно и не заглушать насильственно умственныхъ интересовъ, то и вопросы самые возникаютъ обыкновенно въ уровень силъ и кругозора, и случайныя неправильности не трудно смягчить или отклонить. А затѣмъ, нельзя же думать, что если юноша учится въ школѣ, допустимъ, даже благоустроенной, такъ уже всѣ свои знанія и все развитіе онъ получаетъ при систематическихъ классныхъ занятіяхъ; это—крупное заблужденіе. Даже свѣдѣній, точныхъ знаній, нерѣдко набирается онъ столько же на классной скамьѣ, сколько на сторонѣ, благодаря естественной любознательности, а собственно развитіе очень и очень нерѣдко совершается въ довольно отдаленной связи съ учебнымъ заведеніемъ и уроками;—по крайней мѣрѣ самый вѣрный здѣсь процессъ -- формированіе взглядовъ, сращаніе воспринятаго сознаниемъ съ духовной личностью—даже обыкновенно происходятъ не на систематической работѣ, а въ моменты свободнаго, естественнаго мышленія. Эти вольные порывы духа школа должна вызывать и поддерживать, а не бояться ихъ и не придавливать „ради порядка“.

Наконецъ, во всей организаціи бесѣдъ, чѣмъ меньше всякихъ формальностей, тѣмъ лучше. Не надо забывать, что въ основѣ этихъ занятій лежитъ и конечною цѣлью ихъ служить естественный и нормальный процессъ, подобный всякому процессу органической жизни: человѣку также свойственно и потребно духовно расти и развиваться, создавать свою личность и наполнять содержаніемъ, какъ расти физически, дышать воздухомъ и перерабатывать пищу. Зачѣмъ здѣсь строгія формальности, разъ навсегда установленный распорядокъ бесѣдъ? Формы должны быть гибки настолько,

чтобы допускать вариации самого типа бесѣды, если это вызывается или числомъ участниковъ, ихъ силами, или свойствомъ вопроса и т. д.: не человекъ для субботы, но суббота для человека. Въ какомъ-то изъ учебныхъ округовъ принять такой порядокъ: темы для бесѣдъ вырабатываются въ педагогическомъ совѣтѣ гимназій (очевидно, на годъ впередъ), и, наконецъ, препровождаются попечителю округа. Понятенъ и законенъ интересъ попечителя къ развитію подвѣдомственной ему молодежи, но вѣдь смыслъ и значенія бесѣды именно въ „собесѣдованіи“ учащихся, а не въ темѣ или тетрадкѣ, прошедшей чрезъ учительскую цензуру; чѣмъ цѣннѣе и интереснѣе была бесѣда, тѣмъ меньше можно заочно понять ея значеніе для учащихся. Да оно и вообще странно говорить о развитіи, о бесѣдахъ тамъ, гдѣ педагогъ на годъ впередъ опредѣляетъ духовные интересы учащихся, очевидно, зараженный примѣромъ своего сослуживца, рачительнаго эконома, который вырабатываетъ сразу на годъ пансіонское меню. Въ итогѣ, чѣмъ же должны быть въ средней школѣ бесѣды?—Средствомъ развивающимъ, образовательнымъ въ широкомъ значеніи. Основой ихъ должно служить естественное въ молодежи стремленіе къ развитію, къ умственной работѣ. При воспитаніи и обученіи, сколько-нибудь разумномъ, молодежь въ пору созрѣванія обязательно обнаружитъ запасъ свободной умственной энергіи, помимо тратъ ея на систематическую работу ученья, обнаружить свободный интересъ къ тѣмъ или другимъ вопросамъ знанія. Этотъ интересъ воспитатель обязанъ поддержать, помочь ему найти выраженіе, дать ему пищу. Такимъ образомъ внутренняя инициатива должна исходить отъ учащихся, хотя внѣшняя можетъ—и обыкновенно будетъ—принадлежать учителю. По наружности такія занятія будутъ по большей части представлять изъ себя совмѣстное чтеніе или совмѣстное обсужденіе какого-либо научнаго или художественнаго произведенія. Иногда цѣлый классъ можетъ заинтересоваться однимъ вопросомъ или одной книгой, иногда онъ распадется на нѣсколько группъ, объединившихся временно каждая на своемъ общемъ интересѣ, къ группамъ прильнуть желающіе изъ другихъ классовъ—не все ли равно: тутъ не мѣсто строгой внѣшней регламентаціи. Иное дѣло—внутренній ходъ самаго обсуждения: здѣсь все должно вытекать изъ требованій серьезной работы мысли и искренняго желанія знанія“.

Противъ соображеній г. Грузинскаго едва ли что можно возразить. Если литературныя чтенія должны представлять собою живое дѣло, то, конечно, они будутъ такими только въ томъ случаѣ, когда содержаніе ихъ опредѣляется запросами внутренней жизни воспитанниковъ и въ организаціи ихъ дается просторъ ученической самостоятельности. Если эти чтенія должны служить развивающимъ средствомъ, то они должны быть поставлены по возможно широкой программѣ, чтобы служить отвѣтомъ на всѣ по возможности важнѣйшіе вопросы, волнующіе молодые умы. Съуживать кругъ предметовъ литературной бесѣды изъ опасенія преждевременно ввести воспитанниковъ въ такую сферу, которая можетъ привести молодой умъ къ пагубному вольномыслию, значить закрывать глаза на то, что лишеныя возможности разрѣшить возникающіе вопросы въ свободномъ обсужденіи подъ руководствомъ опытныхъ лицъ, воспитанники сами найдутъ себѣ выходъ и весьма нежелательный, какъ это нерѣдко бываетъ. Съ замѣткою г. Грузинскаго полезно, такимъ образомъ, познакомиться устроителямъ литературныхъ чтеній и бесѣдъ вообще и въ частности при нашихъ духовныхъ семинаріяхъ. Точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ ведутся такія бесѣды въ семинаріяхъ и, даже, въ какихъ именно семинаріяхъ онѣ есть, мы не имѣемъ. Можемъ только полагать на основаніи „собственнаго опыта“ второго нашего корреспондента, что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ есть литературныя общества, подобныя гимназическимъ. Но, съ другой стороны, можемъ также полагать, что такихъ обществъ очень мало,—именно потому, что о нихъ нѣтъ почти никакихъ слуховъ, да и въ стрѣ семинарской учебной жизни для нихъ почти нѣтъ почвы. „Невольный бібліотекаръ“ сообщаетъ, что ученики не читаютъ книгъ, ссылаясь на то, что имъ некогда,—и эту ссылку нельзя считать только пустою ученическою отговоркою. Кто знаетъ обиліе изучающихся въ семинаріи предметовъ и широту программъ, тому нельзя не согласиться, что ученику, особенно ученику среднему, дѣйствительно некогда заниматься такимъ постороннимъ для уроковъ дѣломъ, какъ чтеніе книгъ. Авторъ вышепредставленнаго разсужденія о мѣрахъ къ подъему начитанности учениковъ семинаріи полагаетъ, что сдѣлать литературное образованіе достояніемъ cadaго воспитанника „очень легко“: стоитъ только ввести обязательное minimum книгъ для cadaго

класса семинаріи. Какъ будто этою чисто внѣшнею мѣрою можно что-нибудь сдѣлать, если у ученика дѣйствительно не хватаетъ времени! При этомъ, нужно и то принять во вниманіе, что потребность къ чтенію можетъ возникнуть при болѣе или менѣе разумномъ воспитаніи и обученіи. Когда же этого нѣтъ, когда изученіе трудныхъ по количеству и качеству уроковъ тормозится еще неудачными приѣмами преподавательства, тогда не только не останется времени для чтенія, но съ трудомъ можетъ явиться и потребность въ немъ. Но въ нашихъ семинаріяхъ, какъ это уже не разъ замѣчалось въ этихъ очеркахъ, и дѣло преподаванія и воспитанія стоитъ далеко не на высотѣ. Можно указать различные недостатки въ томъ и другомъ, но мы отмѣтимъ одинъ, на который обращаетъ наше вниманіе лицо, не принадлежащее къ духовно-учебному вѣдомству, но, очевидно, интересующееся жизнью духовныхъ семинарій, и который имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашему предмету.

По наблюденіямъ этого посторонняго наблюдателя, для учителя семинаріи „нѣтъ большаго позора, какъ ограничиться предѣлами учебника: таковъ — догматъ учительской корпораціи въ семинаріяхъ, и потому каждый учитель стремится раздвинуть объемы учебной книги, дополнить ее новыми фактами и соображеніями. Въ первые годы, когда и самъ онъ далекъ въ своемъ предметѣ отъ специалиста, эти добавленія не такъ велики, но лѣтъ чрезъ 5—6 параллельно съ учебникомъ вырастаютъ еще такія же записки учителя. На это явленіе было уже обращено вниманіе Учебнымъ Комитетомъ, и выдача записокъ была запрещена. Официально, поэтому, ихъ нынѣ нѣтъ, но неофициально онѣ существуютъ: учитель ихъ не выдаетъ, но не перестаетъ говорить того, что въ нихъ написано, и не перестаетъ требовать, чтобы ученики знали его объясненія. Затѣмъ, учителю очень легко показать, что ученикъ, не знающій его объясненій, въ сущности не знаетъ ничего, и вотъ, хотя учительскихъ записокъ нѣтъ, но дѣло отъ этого не стало лучше: на смѣну ихъ явились записки ученическія, записки, можетъ быть, не столь грамотныя, но зато столь же обширныя.

Дать надлежащую цѣну этому расширенію курсовъ можно, конечно, лишь тогда, когда извѣстенъ объемъ учебниковъ. Можетъ быть, они слишкомъ кратки, и тогда это стремленіе учителей имѣетъ понятное основаніе. Но если учебники та-

ковы, что юноша съ средней памятью едва может справиться съ одними ими,—тогда расширять объемъ ихъ, очевидно, не слѣдуетъ. Если же они и безъ того несоответственно велики, то увеличивать ихъ еще болѣе—по меньшей мѣрѣ неумно. Семинарскіе учебники принадлежатъ именно къ этой послѣдней категоріи. Къ сожалѣнію, подробный обзоръ даже нѣкоторой группы ихъ повелъ бы слишкомъ далеко за предѣлы журнальной замѣтки и потому по необходимости придется ограничиться въ этомъ отношеніи общими указаніями. Начнемъ съ учебниковъ по математикѣ. О нихъ, впрочемъ, достаточно сказать, что они—одни и тѣ же, что и въ гимназіяхъ, но уроковъ на эти предметы назначено въ семинаріяхъ чуть не вдвое меньше, чѣмъ въ гимназіяхъ, а потому и приготовленіе по этому отдѣлу у ученика семинаріи должно отнимать вдвое больше времени, чѣмъ у ученика гимназіи (а между тѣмъ и тамъ жалуются на обремененіе учащихся непосильной работой). Учебники по предметамъ историческимъ, хотя и не поражаютъ своимъ объемомъ (за исключеніемъ, однако, обширныхъ учебниковъ по церковной исторіи), и изъ нихъ на урокъ приходится не болѣе 6—7 страницъ, но, по своему содержанію, они вызываютъ нерѣдко сильное напряженіе памяти и, въ среднемъ, уроки по этимъ предметамъ требуютъ отъ ученика для ихъ усвоенія двухчасового и даже болѣе продолжительнаго труда: кто помнитъ, какъ испещрены эти учебники годами, мѣсяцами (даже числами мѣсяцевъ), именами царей, военачальниковъ, консуловъ, ихъ женъ и т. д.,—тотъ едва ли будетъ оспаривать это; могутъ быть, конечно, дни, когда отдѣльный урокъ ученикъ приготовить и скорѣе, но все же время отъ времени онъ долженъ возвращаться къ прошлому, чтобы не затеряться въ лабиринтѣ подробностей и въ калейдоскопѣ именъ и хронологическихъ датъ и чтобы въ заключеніе, за массой деталей, не забыть главнаго и не спутать цѣлыхъ эпохъ. А сколько времени долженъ унести этотъ, столь необходимый, отчетъ себѣ въ пройденномъ курсѣ? Въ учебникахъ по богословскимъ предметамъ всюду подавляющая масса рубрикъ. Основная мысль постоянно дробится на множество второстепенныхъ; эти послѣднія въ свою очередь подраздѣляются на болѣе детальныя, и каждая деталь доказывается *рядомъ* текстовъ, большею частію отрывочныхъ и потому наиболѣе неудобныхъ для памяти. Приготовленіе

урока, вслѣдствіе этого, обращается въ данномъ случаѣ въ *сплошное заучиванье*, и 6 страницъ учебника поглощаютъ у ученика, съ среднею памятью, $3\frac{1}{2}$ и даже 4 часа. Даже богословскіе учебники по Священному Писанію, предмету наиболѣе удобному для памяти, какъ чисто экзегетическому, — совершенно не соотвѣтствуютъ силамъ учащихся. Возьмемъ въ примѣръ учебникъ 2 класса по этому предмету. Въ этомъ учебникѣ (прот. Хераскова) около 500 страницъ. Изъ нихъ половина папечатана тѣмъ мелкимъ шрифтомъ, какимъ набираются примѣчанія, хотя это составляетъ тоже текстъ учебника. Если же набрать (какъ бы и слѣдовало въ интересахъ зрѣнія учащихся) и эту половину надлежащимъ шрифтомъ, то учебникъ *удвоился* бы въ своихъ размѣрахъ, или, по крайней мѣрѣ, возросъ до 800 страницъ убористой печати. Между тѣмъ во второмъ классѣ всего два недѣльныхъ урока по священному Писанію и, слѣдовательно, 50—55 уроковъ въ годъ. Такимъ образомъ, изъ этого учебника — считаемъ его, для удобства представленія, въ 800 страницъ *обыкновенной* печати — на каждый урокъ приходится около печатнаго листа (15—16 страницъ). Но учебникъ въ этомъ случаѣ представляетъ только комментарий къ тексту священнаго Писанія, и ученики кромѣ него, обязаны въ теченіи года ознакомиться съ содержаніемъ 12-ти каноническихъ и 7 неканоническихъ книгъ, при чемъ нѣкоторыя мѣста ихъ полагаются заучить наизусть. Сколько такимъ образомъ падаетъ матеріала на одинъ урокъ изъ одного предмета, и это для юношей — почти дѣтей — въ 15—16 лѣтъ! Очевидно, большинство изъ нихъ не въ состояніи отчетливо усвоить себѣ въ одинъ вечеръ всего того, что приходится изъ учебника по одному предмету. Но учителямъ и эти курсы кажутся недостаточными обширными, и они удваиваютъ ихъ“.

Что наблюденія посторонняго наблюдателя согласны съ дѣйствительностью, подтверждается и циркулярами по духовно-учебному вѣдомству, также осуждающими стремленіе семинарскихъ преподавателей быть профессорами въ отягощеніе ученикамъ. Однако и не во всемъ съ нимъ можно согласиться. Всю вину за увеличеніе учебнаго матеріала авторъ слагаетъ на „гг. учителей“. Безспорно, что есть учителя семинаріи, для которыхъ „нѣтъ большого позора, какъ ограничиться предѣлами учебника“, — которые объаты суетнымъ желаніемъ блеснуть своими познаніями предъ учени-

ками, которые, придавая исключительную важность только своему предмету, обременяют уроками обучаемых, совершенно забывая, что послѣдніе должны изучать много и другихъ предметовъ, также могущихъ претендовать на исключительную важность. И бѣда ученикамъ, если такихъ ревностныхъ преподавателей нѣсколько въ одномъ классѣ. Это печальное и ненормальное явленіе есть прямой результатъ той разобщенности въ учебно-педагогическомъ дѣлѣ, при которой учителя не хотятъ знать другъ друга и противъ которой лучшимъ средствомъ могли бы служить общія собранія и сѣзды. Однако утверждать вмѣстѣ съ авторомъ, что расширеніе учебника, пополненіе его свѣдѣніями, можетъ быть излишними, но за то новыми,—есть „догматъ учительской корпораціи“, исповѣдуемый каждымъ ея членомъ, было бы несправедливо. Въ семинаріяхъ можно найти немало благоразумныхъ преподавателей, которые въ интересахъ лучшаго ознакомленія учениковъ съ главнымъ и существеннымъ, стараются по возможности сокращать ненужныя подробности учебника и которые заботятся не о нагруженіи ученическихъ головъ всевозможными свѣдѣніями, а объ ясной и отчетливой передачѣ имъ основныхъ началъ науки. Болѣе глубокое и широкое знакомство съ нею они предоставляютъ ученикамъ получить въ академіяхъ, а себѣ ставятъ болѣе скромную, хотя не менѣе важную задачу—надлежащимъ образомъ преподавать элементы науки и тѣмъ заложить прочную основу будущему развитію. Они не уклоняются и отъ того, чтобъ сообщать воспитанникамъ свѣдѣнія, не заключающіяся въ учебникахъ, но не потому только, что они сами имѣютъ эти свѣдѣнія и обуреваются желаніемъ во что бы то ни стало и когда бы то ни было излить ихъ на учениковъ, а потому, что это въ извѣстныхъ случаяхъ является необходимымъ и полезнымъ для самаго дѣла. Если отъ наблюдательнаго взгляда нашего корреспондента укрылись такіе преподаватели, то намъ думается, потому, что онъ не придалъ должнаго значенія одной весьма важной сторонѣ дѣла, хотя и касается ея, именно широтѣ программъ по семинарскимъ предметамъ. Вслѣдствіе именно этой широты и приходится преподавателю волею-неволею пополнять учебники записками. И пополненіе это касается не только краткихъ учебниковъ, но и объемистыхъ—по той простой причинѣ, что въ учебникахъ послѣдняго рода иногда находится много такого, что или не

требуется программой или ясно само по себѣ (напр. нѣкоторыя толкованія по Св. Писанію въ указываемыхъ авторомъ учебникахъ по Св. Писанію) и какъ разъ нѣтъ того или очень неясно и коротко сказано о томъ, что требуется программой. Отсюда дополненія и записки. Преподавателю, конечно, слѣдуетъ въ противовѣсъ дополняемому сокращать лишнее въ учебникѣ, но винить его за дополненія несправедливо: причина послѣднихъ не въ немъ, а въ широтѣ программъ и въ отсутствіи хорошихъ и приспособленныхъ къ программѣ учебниковъ, на что давнымъ давно необходимо обратить вниманіе.

Какъ бы то ни было, пополняются записками семинарскіе учебники или нѣтъ, дѣла семинаристу, особенно среднему, въ виду широты программъ и обилія учебнаго матеріала, а также въ виду другихъ ученическихъ обязанностей (писаніе сочиненій, проповѣдей, хожденіе въ образцовую школу), довольно много, чтобы у него оказался значительный „запасъ свободной умственной энергіи помимо тратъ ея на систематическую работу“, запасъ, который обнаружился бы въ свободномъ интересѣ къ тѣмъ или другимъ вопросамъ знанія и въ стремленіи удовлетворить его путемъ чтенія книгъ. Отсюда и происходятъ такія явленія, что средній семинаристъ или совсѣмъ не читаетъ книгъ, или же погружается въ чтеніе ихъ до забвенія своихъ прямыхъ обязанностей; отсюда же, намъ думается, при существующихъ условіяхъ едва ли найдется твердая почва для устройства въ семинаріяхъ литературныхъ обществъ и чтеній, которыя, безъ ущерба классной работѣ учениковъ, приносили бы пользу ихъ общему развитію.

С. П.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки